

Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование

Бовина И.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Новикова И.А.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Березина Е.Б.

Университет Санвея, г. Санвей, Малайзия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Новиков А.Л.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3482-5070>, e-mail: novikov-al@rudn.ru

Цель. Исследование особенностей социальных представлений (СП) о COVID-19 в группах студенческой молодежи.

Контекст и актуальность. Пандемия COVID-19 — это первый опыт для большинства населения планеты: появилось новое заболевание, которое быстро распространяется по странам и континентам, при этом человечеству нечего противопоставить этой угрозе. Символические защиты, которые вырабатываются в ответ на эту угрозу, и оказались в центре внимания в работе.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в два временных промежутка, соответствующих двум волнам пандемии COVID-19 в России (первая волна — с 18 июня по 10 июля 2020 г. и четвертая волна — с 14 октября по 7 декабря 2021 г.).

Участники. В исследовании принимали участие представители студенческой молодежи в возрасте от 17 до 27 лет (242 человека, 12,5% мужчин).

Методы (инструменты). Основным методом исследования явился опрос в варианте анкеты (основной инструмент — методика свободных ассоциаций). Опросник предьявлялся в онлайн-формате.

Результаты. Сравнение структуры и содержания СП о COVID-19 в среде студенческой молодежи (первая и четвертая волны пандемии) позволяет говорить о зарождении СП о коронавирусе: зона СП о коронавирусе (четвертая волна) имеет иерархическую организацию элементов.

Основные выводы. В случае пандемии COVID-19 представители студенческой молодежи заняли позицию, рационализирующую угрозу и страх, ассоциированный с ним.

Ключевые слова: социальные представления; гипотетическая структура социальных представлений; динамика социальных представлений; COVID-19; психология здоровья.

Финансирование. Исследование выполнено Новиковой И.А. как часть Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» РУДН им. П. Лумумбы, в рамках инициативной НИР № 051324-0-000, выполняемой на базе кафедры психологии и педагогики филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы.

Для цитаты: Бовина И.Б., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Новикова И.А., Березина Е.Б., Новиков А.Л. Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 85–102. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140206>

COVID-19 Seen by Students: An Exploratory Study

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Marianna E. Sachkova

Russian Presidential Academy of National Economy & Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Irina A. Novikova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Elizaveta B. Berezina

Sunway University, Sunway, Malaysia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Alexey L. Novikov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3482-5070>, e-mail: novikov-al@rudn.ru

Objective. The aim of this article is to analyse the social representations of coronavirus in groups of young people.

Background. The COVID-19 pandemic is the first experience for most of the world's population: a new disease has emerged that is spreading rapidly across countries and continents, and humanity has nothing to counter the threat. The symbolic defences that are developed in response to this threat are the focus of the work.

Study design. The study was conducted in two time periods corresponding to the two waves of the COVID-19 pandemic in Russia (the first wave from June 18, 2020 to July 10, 2020 and the fourth wave from October 14, 2021 to December 7, 2021).

Participants. A total of students aged 17 to 27 years ($N = 242$ subjects, 12,5% men).

Measurements. *The main method of the study was a questionnaire (the main technique – the method of free association). The questionnaire was presented in an online format.*

Results. *A comparison of the structure and content of COVID-19 in young people (the first and fourth waves of the pandemic) suggests the emergence of the representation of COVID-19: a hierarchical organisation of elements in the case of the fourth wave.*

Conclusions. *In the case of a COVID-19 pandemic, representatives of the youth milieu adopted a position that rationalises the threat and the fear associated with it.*

Keywords: *social representations; hypothetical structure of social representations; emergence of social representation; COVID-19; health psychology.*

Funding. The study was carried out by Irina A. Novikova as part of the Program of Strategic Academic Leadership, “Priority-2030,” of the Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), the publication was prepared with the support of scientific project No. 051324-0-000 at the Psychology and Pedagogy Department, the Faculty of Philology, RUDN University.

For citation: Bovina I.B., Sachkova M.E., Dvoryanchikov N.V., Novikova I.A., Berezina E.B., Novikov A.L. COVID-19 Seen by Students: An Exploratory Study. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 85–102. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140206> (In Russ.).

Введение

История человечества, как отмечает В.В. Николаева [5], может быть написана через призму того, как возникали, распространялись и исчезали болезни, а общество в каждом случае пыталось бороться с этой угрозой и искать пути улучшения качества жизни человека. Инфекционные заболевания всегда угрожали человечеству [13]. Общество стремилось различными путями адаптироваться к болезням, к примеру, используя чаще всего стратегию избегания тех или иных групп или изоляции оных [13]. Выбатывались символические представления о возникновении болезней, их передаче, а также профилактических мерах и лечении. Эти стратегии действий в ситуации распространения инфекционного заболевания выполняют функции защиты физической и символической целостности группы [13]. Последняя функция становится понятной тогда, когда учитывается тот разрыв смысла, который случается в результате внезапной вспышки инфекционного заболевания.

Первые случаи COVID-19 были официально зарегистрированы в Китае в декабре 2019 года. 11 марта 2020 г. ВОЗ официально квалифицировала ситуацию с распространением COVID-19 как пандемию, инфекция распространилась практически на большинство стран мира и стала носить глобальный характер. 5 мая 2023 г., по заявлению ВОЗ, пандемия закончилась. Пандемия имеет целый ряд экономических и социальных последствий. С социально-психологической точки зрения наибольший интерес представляет ряд последствий пандемии: 1) Тезис о том, что болезнь — это индикатор отношения общества и индивида [1], по тому, какие социальные гарантии получает индивид в случае болезни, можно говорить о важности и ценности индивида в том или ином обществе. В этой связи пандемия отчетливо продемонстрировала, что отношения общества к индивиду в значительной степени медируются экономическим фактором. 2) Пандемия разрушила представление о человеческом всемогуществе. Казалось, что прогресс в области медицинского

знания и технологий позволит человеку *сделать сказку былью*. Действительно, в 70–80-х гг. казалось, что медицина победила инфекционные заболевания, однако появление и распространение ВИЧ-инфекции поставило под сомнение преждевременный оптимизм [1], человек оказался уязвимым и беспомощным перед лицом очередной угрозы. 3) Появление и распространение COVID-19 в очередной раз продемонстрировали многомерность болезни, ее несводимость к биологическому уровню, но серьезное влияние на социальном, политическом и экономическом уровнях.

В начале пандемии COVID-19 индивид оказывается в ситуации, когда возникает серьезная угроза здоровью и жизни человечества, существующего медицинского знания не хватает ни чтобы объяснить возникновение новой болезни, ни чтобы предложить стратегию лечения и профилактики. Сложившаяся ситуация неопределенности вполне соответствует условиям возникновения слухов [7; 11]: 1) важность — ситуация, ассоциированная с угрозой жизни; 2) двусмысленность — отсутствие точной информации о масштабе эпидемии. Слухи как объяснения события, которые передаются от одного индивида к другому, выполняют две основные функции: 1) снижение стресса, связанного с неопределенностью; 2) придание смысла событию [7; 11]. В случае пандемии COVID-19 даже возникли так называемые широко разделенные слухи (теории заговора), когда возникновение вируса объяснялось заговором влиятельных лиц (вирус искусственно создан для того, чтобы снизить численность населения планеты).

Индивид сталкивается с большим количеством противоречивой информации, которую он так или иначе обсуждает с другими. Возникает так называемый

феномен «снежного кома»: чем больше мы говорим о чем-либо, тем более важным оно становится, как следствие, мы еще больше говорим об этом [26].

Очевидно, что сложившаяся ситуация вызывает сильные аффективные реакции (повышенная тревога и страх). Проявлением солидарности стало избегание всего социального [8]. «Быть с другими» стало означать «дистанцироваться от других». В повседневной жизни индивид столкнулся с препятствиями: прогулки, посещение общественных мест, встречи, общение, путешествия и пр. — все это стало запрещенным после введения карантинных мер. Общение, которое и до пандемии COVID-19 было опосредствованно техническими средствами, стало полностью дистанционным.

С нашей точки зрения, анализ описанной выше ситуации, с которой сталкивается индивид в связи с возникновением новой инфекционной болезни, которая быстро распространяется и становится глобальной угрозой, — попадает в фокус интереса теории социальных представлений (СП) [25–30].

Библиометрический анализ публикаций [14] позволил выделить класс вопросов (Класс 5: Здоровье и вопросы профилактики (13%)), объединяющих проблематику здоровья и болезни, которые исследуются в русле теории СП. Классические работы, выполненные в рамках этой теории, в широком смысле касаются проблем здоровья и болезни. Речь идет об исследованиях С. Московиси, К. Эрзлиш, Д. Жоделе, А.С. де Розы, Х. Жофф и многих других [15; 19; 20; 22; 28]. Теория СП имеет солидный потенциал для изучения этого предметного поля, особенности ситуации, в которой оказывается индивид с возникновением пандемии коронавируса, по сути, соответствуют условиям зарождения СП —

возникает новая угроза здоровью и жизни человека, индивиды сталкиваются с большим количеством противоречивой информации, которую они активно обсуждают. Из многочисленных определений СП здесь можно отдать предпочтение тому, что было дано Ж. Валой, где СП понимаются как процессы создания смыслов, посредством которых социальные группы интерпретируют новые события (например, катастрофы или новые заболевания) [31]. СП выполняют ряд важных функций: трансформация чего-то неизвестного, пугающего, зловещего — в известное; облегчение коммуникации за счет обеспечения участников определенными кодами, которые выработаны в многочисленных обсуждениях; ориентация социального поведения и оправдание социальных отношений, конструирование и поддержание социальной идентичности [1; 2; 15; 26]. Порождение СП сопряжено с двумя социокогнитивными процессами: 1) Якорение (или анкеровка) — процесс, посредством которого странные идеи сводятся к обычным категориям и образам, помещаются в имеющуюся у индивида систему координат. Якорение осуществляется посредством классификации или названия (присваивания имени). 2) Объективация — процесс, в результате которого нечто абстрактное становится конкретным, своего рода перенос того, что имеется в нашем сознании, на то, что существует в физическом мире [29]. Этот процесс реализуется в виде схематизации и персонификации [29].

Результаты исследований, касающихся изучения СП об инфекционных заболеваниях [1; 13; 20; 31; 32], позволяют говорить о том, что используются такие варианты якорения: невидимый враг, который проникает в организм человека [1], указание на другую болезнь для

определения новой (рак геев и чума XX века — в случае СПИДа), указание на *других* как источник болезни (в случае ВИЧ-инфекции — указание на народы Африканского континента в случае представителей других континентов и указание на европейцев и американцев в случае представителей стран Африки) [1; 20]; биологическое оружие — идея об искусственном происхождении вируса, который специально создается в военных лабораториях (в случае эпидемии ВИЧ-инфекции указание на то, что этот вирус создан в лабораториях Пентагона [1]). Как отмечают Д. Паес и Х. Перес [31], в случае пандемии COVID-19 в процессе якорения использовались указания на военную метафору. В начале пандемии люди пытались придать смысл внезапно появившейся угрозе, обозначая ее как врага или захватчика [12]. Эту метафору использовали политические лидеры в обращениях к гражданам своих стран, объявляя о соответствующих карантинных мерах. Очевидно, что военная метафора предполагает соответствующие меры, оправдывает комендантский час, ограничение передвижения, жесткие меры на политическом, экономическом и социальном уровнях. Использование другой болезни для определения новой — грипп. Этот вариант *банализировал* COVID-19, снижая его опасность. Вина за распространение болезни приписывалась аут-группам (иностранцы). В этом случае речь идет о страхе в отношении чужих, который ведет к соответствующим действиям. Чем больше угроза, тем сильнее эмоциональные реакции приводят к постановке «клейма», стигматизации групп, а отчуждение становится ведущим механизмом защиты от сильной угрозы. Наконец, циркулирует представление о том, что вирус создан в военных лабораториях Китая или США. Этот вариант в

наибольшей степени приближен к теориям заговора, когда речь, в частности, идет об идее «золотого миллиарда».

В случае процесса объективации ключевые фигуры: герои, злодеи и жертвы. В категорию *злодеев* попали китайцы, представители политических элит и др., *героями* оказались ученые и врачи. *Герои* в основном воспринимались как заслуживающие доверия и помогающие [24]. На индивидуальном уровне плохо следящий за гигиеной и своим здоровьем человек также становится *злодеем*, что иногда может доходить даже до публичного осуждения и наказания на фоне сильной социальной напряженности.

С опорой на основополагающие идеи теории СП (в частности, о социокогнитивных процессах порождения СП) и результаты исследований СП об инфекционных заболеваниях в ситуации пандемии COVID-19 мы решили ответить на исследовательский вопрос, который касался динамики СП о COVID-19 в среде студенческой молодежи.

Метод

Программа исследования. Целью исследования был анализ особенностей СП о COVID-19 в среде студенческой молодежи в разные моменты развития пандемии. *Объектом исследования* являлась студенческая молодежь, выборку составили студенты различных специальностей (в частности, IT, психология, филология, социальная коммуникация), обучающиеся в ряде московских вузов, в возрасте от 17 до 27 лет (N = 242 человека, 12,5% мужчин). *Предмет исследования* – особенности СП о COVID-19.

Исследование носило поисковый характер, однако мы исходили из общего предположения о том, что сравнение особенностей СП о коронавирусе, выявленных в разные моменты развития пандемии COVID-19, позволит выявить

динамику СП, а именно: на начальных этапах пандемии ожидается, что ключевыми элементами СП о COVID-19 будут указания на крайние аффективные реакции, ассоциированные с COVID-19, а также элементы, объясняющие происхождение COVID-19. На более поздних этапах пандемии ключевыми в СП будут элементы, заимствованные из медицинского дискурса. Такая логика формирования СП о COVID-19 соотносится с положениями теории СП, а также с логикой формирования СП об инфекционных заболеваниях [1; 13; 20; 21].

Методы исследования. Основным методом исследования явился опрос в варианте анкеты (представленные здесь результаты являются частью научно-исследовательского проекта, который проводился во время пандемии коронавируса (2020–2022 гг.) с более сложной методологической стратегией). В фокусе внимания в настоящей работе будут только результаты, полученные с помощью методики свободных ассоциаций. Респондентам предъявлялся стимул COVID-19, предлагалось указать пять слов или выражений, которые сразу приходят в голову, когда они думают о коронавирусе. Каждый ответ предлагалось оценить по шкале от -3 до +3 [18]. Это измерение позволило определить валентность элементов СП в соответствии с идеей А.С. де Розы [18], другими словами, выявить оценочную коннотацию каждого ответа. Опросник предъявлялся в онлайн-формате. Исследование проводилось в два временных промежутка, соответствующих двум волнам пандемии COVID-19 в России (первая волна – с 18 июня по 10 июля 2020 г. и четвертая волна – с 14 октября по 7 декабря 2021 г.).

Анализ гипотетической структуры СП. Для выявления гипотетической структуры СП был использован прототипический анализ [6; 17; 27]. Матрица

данных, полученных с помощью методики свободных ассоциаций, была составлена из слов и словосочетаний, высказанных не менее чем 10% респондентов.

Результаты

Прототипический анализ исходит из идеи о том, что элементы ядра являются более «выпуклыми» по сравнению с элементами периферии [6; 17; 27]. Операционализация этой идеи требует пересечения двух параметров, а именно: частоты ассоциаций (количественный параметр) и ранга появления ассоциации (качественный параметр) [6; 17; 27]. Сочетание этих параметров рассматривается как показатель центральности элементов, однако сам прототипический анализ считается инструментом, позволяющим лишь выдвинуть гипотезу о структуре СП [6; 17; 27]. Полученная гипотетическая структура требует уточнений в последующих исследованиях. Для идентификации ядра СП обычно используются специальные методики, среди которых: методика сомнений, тест независимости от контекста, методика определения центральных элементов, методика умозаключений на основе двусмысленного сценария [2; 6; 17; 27]. В настоящем исследовании мы рассматриваем только гипотетическую структуру СП о COVID-19: как отмечалось выше, по официальным данным, COVID-19 стал распространяться в декабре 2019 года, 11 марта 2020 года пандемия была объявлена ВОЗ, что указывало на серьезную угрозу здоровью и жизни человечества. Другими словами, на исследовательском уровне возникла возможность проанализировать динамику СП о COVID-19, новом явлении, представляющем серьезную угрозу здоровью и жизни человечества. Отсюда, ключевой интерес был связан с изучением порождения СП (один из этапов динамики СП).

В результате предпринятого анализа было выявлено, что зона ядра (элементы с высокой частотой и низким рангом появления, потенциальные элементы ядра, т.е. вокруг них потенциально кристаллизуется СП о COVID-19) образована элементами: *болезнь, вирус, пандемия* (см. таблицу). Все элементы имеют негативную валентность (от $-2,53$ до $-2,37$). Частотный показатель этих элементов (три элемента, частота встречаемости которых варьирует от 27 до 35), скорее, свидетельствует в пользу того, что едва ли можно говорить о иерархической структуре, другими словами, представление еще не имеет этой самой структуры [17; 27]. По сути, мы имеем дело с зарождением СП о COVID-19.

Контрастирующая зона (см. таблицу) состоит из элементов с низкой частотой и низким рангом появления. По идее Ж.-К. Абрика: «Есть темы, заявленные немногими людьми (низкая частота), но которые считают их очень важными. Такая конфигурация может свидетельствовать о существовании подгруппы меньшинства с иным представлением... Но мы также можем найти здесь... дополнение первой периферии» [6, с. 63]. Исходя из этого положения, стоит обратить особое внимание на смысловые связи, которые могут иметь элементы, располагающиеся в данной зоне гипотетической структуры СП. Она объединяет два элемента с негативной валентностью: *опасность и паника*.

Первая периферическая зона объединяет элементы с высокой частотностью и высоким рангом появления, она является своего рода послесловием по отношению к объекту СП, элементы, представленные здесь, мыслятся во вторую очередь по отношению к объекту СП. В этой зоне находятся элементы с негативной валентностью: *карантин, смерть, страх*.

Вторая периферическая зона (элементы с низкой частотой и высоким

рангом появления) образована такими составляющими с негативной валентностью (от $-2,69$ до $-1,83$): *обман, маски, пневмония, ограничения*. Все эти элементы соответствуют индивидуальному опыту и выполняют роль контекстуализации элементов зоны ядра.

При первом столкновении с новой проблемой, угрожающей здоровью и жизни людей, ассоциативно ее связали с элементами болезни, вызванной вирусом и охватывающей весь мир. По сути, респонденты использовали синонимичные понятия к объекту СП. Обращает на себя внимание содержание зоны контрастирующих элементов: составляющие, име-

ющие сильную аффективную нагрузку: новый вирус несет в себе экзистенциальную опасность, ассоциируется с паникой.

В первой периферии представлен элемент *карантин*, оказывающий серьезное воздействие на людей и заставляющий их дистанцироваться от социальных контактов вплоть до полной изоляции. Здесь же появляются *смерть* и *страх*. С учетом положения, сформулированного Ж.-К. Абриком [6], смыслово составляющие зоны контрастирующих элементов не содержат позицию меньшинства, но являются дополнением первой периферической системы, поскольку они созвучны с ее элементами: речь идет о смертельно опасной угрозе,

Т а б л и ц а

Гипотетическая структура СП о COVID-19 в среде студенческой молодежи (первая и четвертая волны эпидемии в России)

Волны эпидемии	Понятие (частота, ранг, валентность)			
	Зона ядра	Контрастирующие элементы	Первая периферическая система	Вторая периферическая система
I волна (21,50;2,49)*	болезнь (35,00; 2,26; $-2,53$)** вирус (31,00; 1,52; $-2,37$) пандемия (27,00; 2,15; $-2,44$)	опасность (18,00; 2,11; $-2,78$) паника (13,00; 2,00; $-2,46$)	карантин (64,00; 2,58; $-1,66$) смерть (24,00; 2,63; $-3,00$) страх (24,00; 2,79; $-2,52$)	обман (19,00; 2,63; $-2,47$) маски (16,00; 4,00; $-1,83$) пневмония (16,00; 3,56; $-2,69$) ограничения (15,00; 2,53; $-2,33$)
IV волна (25,00;2,68)*	карантин (60,00; 2,62; $-1,49$)** пандемия (42,00; 2,20; $-2,43$) болезнь (36,00; 2,19; $-2,58$)	ограничения (24,00; 2,67; $-2,19$) вирус (21,00; 2,48; $-2,10$)	маски (37,00; 3,05; $-1,40$) смерть (26,00; 3,23; $-2,83$)	вакцина (21,00; 3,05; $-1,55$) дистанционное обучение (17,00; 3,00; 24-0,86) страх (16,00; 2,69; $-2,73$)

Примечание: * – в скобках указаны средние значения по частоте встречаемости и рангу появления ассоциации для каждого объекта СП. В соответствии с теорией СП и логикой прототипического анализа показатели по частоте и рангу понятия позволяют различать четыре соответствующие зоны в структуре СП [17; 27]. ** – в скобках указаны частота встречаемости, средний ранг появления и среднее значение для валентности каждого понятия. Валентность – указывает на негативную, нейтральную или позитивную коннотацию элемента СП [18].

ассоциированной с соответствующими негативными аффективными реакциями.

Во второй периферии находятся элементы, указывающие на последствия распространения вируса по планете: осложнения болезни (*пневмония*), профилактические меры (*маски и ограничения*), недоверие к официальной информации (*обман*).

Все элементы зоны ядра и периферии имеют сильно негативную коннотацию (в особенности *смерть* и *страх*).

С одной стороны, если взглянуть на гипотетическую структуру СП в целом, то можно констатировать, что содержание зоны ядра и периферической системы вполне соответствует логике, описанной П. Молине и Ж.-К. Абриком [25]: речь идет о свойствах элементов ядра и периферии. Элементы зоны ядра — абстрактные характеристики объекта СП, так называемые безусловные убеждения. Элементы периферической системы — конкретные, контекстуализированные, условные убеждения. Зона ядра образована элементами, которые совпадают с официальными обозначениями COVID-19 (болезнь, вирус, пандемия). Эти общие слова конкретизируются в виде последствий заболевания, сильных эмоциональных переживаний.

Анализ данных, полученных на выборке представителей студенческой молодежи, сходной по своим параметрам с выборкой первого этапа, позволил получить следующие результаты (см. таблицу): зона ядра представления содержит такие элементы с негативной валентностью, как: *карантин*, *пандемия*, *болезнь*. Зона контрастирующих элементов включает две составляющих с негативной коннотацией: *ограничения* и *вирус*. Первая периферическая система образована элементами: *маски*, *смерть*. Вторая периферическая система объединяет элементы: *вакцина*, *дистанционное обучение*, *страх*.

Обсуждение результатов

Если сравнить эти результаты с теми, что были получены во время первой волны COVID-19 в России, то в целом можно говорить о том, что содержание СП не претерпело серьезных изменений, однако местоположение, которое определяет гипотетическую структуру СП, имеет модификации. Итак, представляется возможным говорить о некоторых нюансах: ключевыми элементами остались те же — *болезнь* и *пандемия*, но к ним добавился *карантин*, перешедший из периферии, а *вирус* переместился в зону контрастирующих элементов. Хотя *карантин* не имеет низкого ранга, но у большинства он сильно ассоциируется с данной болезнью, в том числе в связи с тем, что ограничительные меры надолго были наложены на граждан, к чему они едва ли были готовы, и, возможно, что в итоге привело к определенной усталости. Элементы *страх* и *ограничения* менее частотны. А в первую периферию кроме устойчивого элемента *смерть* переходят *маски*, которые уже широко вошли в практику и стали обязательным элементом повседневной жизни.

Если сравнивать частотность элементов в зоне ядра СП в каждом случае, то обращает на себя внимание тот факт, что в случае гипотетической структуры СП о COVID-19, выявленной во время четвертой волны, зону ядра отличает наличие иерархии элементов, т.е. имеет место определенная структурированность [17; 27] по сравнению с тем, как была организована одноименная зона в СП о COVID-19, выявленном во время первой волны эпидемии. Это заключение основывается на идее К. Фламана и М.-Л. Рукета об энтропии, которая является важным индикатором структурированности СП [17; 27]. В случае максимальной энтропии элементы имеют сходную частоту

появления. В случае минимальной энтропии частота одних элементов в значительной степени превышает частоту других, что позволяет строить предположение о структурированности зоны ядра (и самого СП, поскольку именно ядро выполняет организующую, смыслообразующую и стабилизирующую функции) [25].

Зона ядра в гипотетической структуре СП о COVID-19, выявленная в первую волну пандемии (см. таблицу), скорее свидетельствует об отсутствии организованной структуры СП. Зона ядра в гипотетической структуре СП о COVID-19, выявленная в четвертую волну пандемии, имеет иерархию (на основе количественного показателя — частоты ассоциации), где элемент *карантин* доминирует по сравнению с остальными.

Обращает на себя внимание тот факт, что аффективные реакции панического характера, которые ассоциировались с COVID-19 на первом этапе исследования, перестали быть столь важными с точки зрения расположения в структуре СП.

При этом все элементы имеют негативную коннотацию, за исключением нового элемента периферической системы *дистанционное образование* (нейтральная валентность). Однако такие меры, как карантин, маски и вакцинирование, хоть и имеют не ярко выраженную, но все-таки отрицательную окраску, возможно, в связи с тем, что чаще всего они имели принудительный характер.

Если сопоставить изложенные здесь результаты с теми, что были получены в других исследованиях, то можно обратиться к работе Э. Коли с соавторами, где использовался сходный методический инструмент, позволивший выявить гипотетическую структуру СП о COVID-19 [10]. В зоне ядра оказались указания на пути распространения болезни и ее масштаб (*заражение, пандемия*), а также аф-

фективная реакция — *страх*. Последствия были обнаружены в первой периферии (*смерть*), а также в зоне контрастирующих элементов: *болезнь, вирус* и *карантин*. Во второй периферии было представлено много разнообразных элементов: *изоляция, дистанция, ограничение, слова, связанные с профилактикой; эмоциональная реакция (тревога) и чувства (страдание, одиночество)*, обусловленные *опасностью*, и физические последствия (*пневмония*). Самой сильной эмоцией, зафиксированной исследователями, стал страх за жизнь свою и близких, вызванный ассоциацией со смертью. Карантин был воспринят двойственно: с одной стороны, фиксируется понимание его необходимости, с другой — недовольство, обусловленное ограничением свободы. Таким образом, содержательно СП россиян и итальянцев достаточно близки, состоят из схожих элементов, однако структура СП различается.

Структура СП в исследовании Р. Фазанелли с коллегами образована категориями [16]: *карантин, тревога, пандемия, СИЗ, страх, смерть, вирус и одиночество*. Полученные результаты в этих двух исследованиях согласуются с логикой теории СП, а также с результатами исследований СП об инфекционных заболеваниях [1; 13; 20; 21]. Представляется возможным говорить о сходстве содержания СП, которое было выявлено в представленном здесь исследовании, однако структуры СП разнятся.

Любопытно, что Р. Фазанелли с коллегами смогли выявить различия в СП у студентов разных специальностей. Студенты социальных и гуманитарных специальностей часто упоминали печаль, Китай, инфекцию, социальное дистанцирование и связанные с этим изменения в жизни. Студенты естественно-научных специальностей больше говорили о симптоматике коронавируса, о доме, учебе,

семье и изоляции. Если первые больше давали эмоциональных реакций, то вторые — были сосредоточены на аспектах пандемии, предписывающей изоляцию на длительный период карантина. Однако один факт везде был общий: тревога перед глобальной угрозой эпидемии.

Указания на карантин, вирус и смерть встречаются практически во всех исследованиях, связанных с COVID-19 [33], а такие элементы, как *заражение* и *смерть*, делают СП об этом заболевании похожими на СП об Эболе и СПИДе [1; 24].

А.И. Донцов с коллегами, изучавшие СП о COVID-19 во время первой волны пандемии в России [3], приходят к выводу, что ядро СП о COVID-19 является устойчивым, согласованным и отражает результат информационного воздействия СМИ, что представляется через такие категории, как *смерть* и *паника*. Идея о воздействии медиа на формирование СП, как подчеркивают исследователи, основывается на тезисе о том, что на исследуемой территории (Свердловская область) заболеваемость на тот момент была достаточно низкая, популяционное знакомство с COVID-19 у респондентов отсутствовало. В ключевые элементы СП также попали *болезнь*, *изоляция*, *опасность*. Потенциальная зона изменений включает указания на *эпидемию гриппа*, тревогу, *беспомощность*, *обман*. Введение изоляции сопровождается не только страхом, но и воспринимается большинством как каникулы и возможность остаться дома. Перечисленные сильные эмоциональные проявления, по мнению исследователей, обусловлены ситуацией неопределенности, сопряженной с пандемией. Во второй периферии авторами были зафиксированы первоисточник (Китай) и последствия пандемии COVID-19 — карантин, безработица, риск, ограничения, безответственность.

Как отмечалось выше, излагаемое здесь исследование является собой только часть более обширного научно-исследовательского проекта, и результаты, касающиеся того, как представители студенческой молодежи понимают пандемию, будут изложены в другой работе. Тем не менее нельзя пройти мимо результатов, полученных О.Б. Крушельницкой с коллегами на выборке студентов разных специальностей в рамках одного университета, где объектом представлений были пандемия COVID-19 и маска [4]. Не имея возможности напрямую образом сравнить эти результаты с теми, что были изложены выше, в силу разных объектов представлений, подчеркнем, однако, их важность с точки зрения анализа систем СП [9].

Сопоставление результатов, полученных в настоящем исследовании, с результатами, полученными другими авторами, обращает внимание на важный факт: аффективные реакции, ассоциированные с COVID-19, занимают ключевое положение в структуре СП, как мы и предполагали обнаружить в результате нашего исследования. Однако это предположение не получило эмпирической поддержки: в результатах, полученных во время первой волны, сильные аффективные реакции (паника и страх) мыслятся во вторую очередь в случае COVID-19. В результатах, полученных во время четвертой волны пандемии, элемент *страх* становится еще менее важным (оказывается во второй периферии). Равным счетом не получила эмпирической поддержки та часть нашей гипотезы, в которой говорится о выстраивании СП вокруг понятий медицинского дискурса на более поздних этапах пандемии. Понятия из медицинского дискурса являются ключевыми для СП на обоих этапах исследования. Сравнение двух гипотетических струк-

тур СП о COVID-19 позволяет лишь говорить о том, что во втором случае (четвертая волна пандемии) имеет место организованная структура ядра СП по сравнению с первым случаем (первая волна пандемии).

Возможным видится такое объяснение: мы зафиксировали отсутствие иерархической структуры в зоне ядра в гипотетической структуре СП на начальном этапе (первая волна пандемии), а также наличие иерархии в зоне ядра в гипотетической структуре СП в более поздний период (четвертая волна пандемии). Этот факт позволяет говорить об определенной динамике СП, однако она касается не столько структурных элементов (хотя и имеет место некоторая модификация элементов зоны ядра СП: вместо *болезнь, вирус, пандемия* имеет место *карантин, пандемия, болезнь*), сколько процесса зарождения СП. Главными темами СП сразу являются категории, принадлежащие медицинскому дискурсу. Вполне возможно, что крайние аффективные реакции, ассоциированные с COVID-19, можно было зафиксировать в самом начале пандемии, которая официально началась 11 марта 2020 года, к моменту исследования хотя и происходила первая волна с пиком новых случаев, но за это время произошла своего рода нормализация пандемии. Другими словами, можно предполагать, что это соответствует процессам, описанным в модели коллективного символического копинга, а именно [31]: осознание (информация ВОЗ о COVID-19), дивергенция (возникновение разнообразного дискурса о вирусе: например, страх, ассоциированный с уязвимостью и беспомощностью в ситуации пандемии, с одной стороны; с другой — опасения за последствия социально-экономического толка); конвергенция

(групповая конвергенция в отношении социального объекта); нормализация (интеграция нового явления в повседневную жизнь).

Другим возможным объяснением видится своего рода занижение угрозы, сопротивление тому, что говорится официально (о рисках пандемии, необходимости соблюдать меры безопасности, о последствиях COVID-19 и пр.).

Для проверки того или иного объяснения требуется дальнейшее теоретическое осмысление проблемы СП об инфекционных заболеваниях. Возможность уточнения структуры СП о COVID-19 едва ли имеется: в настоящий момент пандемия COVID-19 закончилась (в соответствии с официальными данными ВОЗ), разработана вакцина, существуют медицинские способы противостояния этой угрозе, популяционное знакомство с COVID-19 значительно расширилось, все это позволило поставить страх под контроль. Другими словами, объект представленный изменился, претерпел своего рода нормализацию.

Выводы

С опорой на основополагающие идеи теории СП о социокогнитивных процессах порождения СП и результаты эмпирических исследований о СП об инфекционных заболеваниях нами было предпринято исследование, целью которого был анализ особенностей СП о коронавирусе в среде студенческой молодежи в разные моменты развития пандемии COVID-19. Эта цель достигнута.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. В противовес предположению о том, что на начальных этапах пандемии ключевыми элементами СП о COVID-19 должны были стать крайние аффектив-

ные реакции, а также элементы, объясняющие происхождение COVID-19, оказалось, что в ядре отразились такие категории, как *болезнь, пандемия и вирус*. При этом они не носят иерархизированный характер, по сути, мы зафиксировали только момент формирования СП. Сильно аффективно заряженные элементы попали лишь в контрастирующую зону и периферию.

2. На более поздних этапах пандемии ключевыми в СП должны были стать элементы, заимствованные из медицинского дискурса. Это предположение соответствует теории СП, а также результатам исследований СП об инфекционных заболеваниях [13]. Однако в зоне ядра в четвертую волну пандемии остались те же элементы (медицинский дискурс был отмечен с самого начала пандемии), только *вирус* сменился на *карантин* как более длительное и сильнее влияющее на жизнь и деятельность студенческой молодежи явление.

3. Зафиксирована динамика СП о COVID-19 у студенческой молодежи: элементы зоны ядра обретают иерархическую структуру, яркий эмоциональный ответ в виде паники и страха утрачивает постепенно свою силу и значимость.

4. Все без исключения элементы ядра и периферии СП студенческой молодежи о COVID-19 носят негативный характер, включая даже оценку профилактических мер.

5. Содержание СП совпадает с оним, полученным в других исследованиях [3; 10; 16], однако организация этих элементов СП различается.

Заключение

Пандемия COVID-19 — это первый опыт для большей части населения планеты: появилось новое заболевание, которое быстро распространяется

по странам и континентам, при этом человечеству нечего противопоставить этой угрозе, по аналогии с тем, как это было во времена средневековых эпидемий, когда изоляция и бегство оказывались едва ли не единственными способами защиты. Безусловно, в недавнем прошлом имели место вспышки целого ряда заболеваний, будь то атипичная пневмония (SARS), свиной грипп (H1N1), птичий грипп (H5N1), вирус Эболы. Однако они не приобрели формы пандемии, охватившей страны и континенты. Не имели такого размаха, как, например, испанский грипп, пандемия которого унесла жизни от 20 до 40% населения планеты.

Наше общее предположение о том, что на начальных этапах пандемии ожидается, что ключевыми элементами СП о COVID-19 будут указания на крайние аффективные реакции, ассоциированные с COVID-19, а также элементы, объясняющие происхождение COVID-19; на более поздних этапах пандемии ключевыми в СП будут элементы, заимствованные из медицинского дискурса, — не получило эмпирической поддержки и требует дальнейшего анализа.

На основе полученных результатов представляется возможным выдвинуть новое предположение: в случае пандемии COVID-19 представители студенческой молодежной среды заняли позицию, рационализирующую угрозу и страх, ассоциированный с ним. Исходя из того, что представленные здесь результаты — это лишь часть большого научно-исследовательского проекта, мы допускаем, что анализ дополнительных данных позволит нам лучше понять полученные результаты, а также проверить наше предположение о рационализации угрозы.

Литература

1. *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект пресс, 2008. 264 с.
2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В.* К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 8–25. DOI:10.17759/sps.2022130302
3. *Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В.* Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. С. 422–444. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444 (дата обращения: 10.03.2023).
4. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Толстых Н.Н.* Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 198–221. DOI:10.17759/sps.2021120113
5. *Николаева В.В.* Личность в условиях хронического соматического заболевания // Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Под ред. Е.Т. Соколовой, В.В. Николаевой. М.: Аргус, 1995. С. 56–81.
6. *Abric J.-C.* La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // Méthodes d'étude des représentations sociales / In J.-C. Abric (Ed.). Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80. DOI:10.3917/puf.jodel.2003.01.0203
7. *Allport G., Postman L.J.* The basic psychology of rumor // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1945. Vol. 8. P. 61–81. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x
8. *Apostolidis T., Santos F., Kalampalikis N.* Society Against COVID-19: Challenges for the Socio-genetic Point of View of Social Representations // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29(2). P. 3.1–3.14.
9. *Camargo B.V., Wachelke J.* The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body // Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 1–21.
10. *Coli E., Norcia M., Bruzzone A.* What Do Italians Think About Coronavirus? An Exploratory Study on Social Representations // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29(2). P. 7.1–7.29.
11. *Douglas K.* Rumor / Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations // In J.M. Levine, M.A. Hogg. London: Sage, 2010. P. 719–722.
12. *de Rosa A.S., Mannarini T.* The “Invisible Other”: Social Representations of COVID-19 Pandemic in Media and Institutional // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29(1). P. 5.1–5.35.
13. *Eicher V., Bangerter A.* Social representations of infectious diseases / The Cambridge Handbook Of Social Representations / In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). Cambridge University Press, 2015. P. 385–396. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x
14. *Eicher V. et al.* Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis // Papers on Social Representations. 2011. Vol. 20. P. 11.1–11.19.
15. Empirical approaches to social representations / In G. Breakwell, D. Canter (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.
16. *Fasanelli R., Piscitelli A., Galli I.* Social Representations of Covid-19 in the Framework of Risk Psychology // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. P. 8.1–8.36.
17. *Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
18. *Galand C., Salès-Wuillemin E.* La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage // Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale. 2009. Vol. 84. P. 125–152. DOI:10.3917/cips.084.0125
19. *Jodelet D.* Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press, 1991. 316 p.

20. *Joffe H.* Risk and “The other”. Cambridge University press, 1999. 165 p.
21. *Joffe H., Haarhoff G.* Representations of far-flung illnesses: The case of Ebola in Britain // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54(6). P. 955–969. DOI:10.1016/S0277-9536(01)00068-5
22. *Herzlich C.* Health and illness: A social psychological analysis. London: Academic Press, 1973. 150 p.
23. *Lin Y. et al.* Knowledge, Attitudes, Impact, and Anxiety Regarding COVID-19 Infection Among the Public in China // *Frontiers in Public Health*. 2020. P. 1–7. DOI:10.3389/fpubh.2020.00236
24. *Martin-Aragon M., Terol-Cantero M.C.* Intervención psicosocial post COVID-19 en personal sanitario [psychosocial intervention post COVID-19 in health-care workers] // *International Journal of Social Psychology*. 2020. P. 664–669. DOI:10.1080/02134748.2020.1783854
25. *Moliner P., Abric J.C.* Central Core Theory // *The Cambridge Handbook Of Social Representations* / In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). Cambridge University Press, 2015. P. 83–95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009
26. *Moliner P., Guimelli C.* Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015. 144 p. DOI:10.3917/pug.guime.2015.01
27. *Moliner P., Lo Monaco G.* Méthodes d’association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.
28. *Moscovici S.* La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
29. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social representations: explorations in social psychology* / In G. Duveen (Ed.). N.Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
30. *Moscovici S.* Why a theory of social representations? // *Representations of the social: bridging theoretical traditions* / In K. Deaux, G. Philogène (Eds.). Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.
31. *Páez D., Pérez J.A.* Social representations of COVID-19 // *International Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 35. P. 600–610. DOI:10.1080/02134748.2020.1783852
32. *Pizarro J. et al.* Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia // *Papers on Social Representations*. 2020. Vol. 29. P. 2.1–2.38.
33. *Rosati G. et al.* Capturing and analyzing social representations. A first application of Natural Language Processing techniques to reader’s comments in COVID-19 news. 2020, May 30. Argentina // *SocArXhivePapers*. 2020. DOI:10.31235/osf.io/3pcdu

References

1. Bovina I.B. Social’naja psihologija zdorov’ja i bolezni [Social psychology of health and illness]. Moscow: Aspekt press, 2008. 264 p. (In Russ.).
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V. K voprosu ob issledovanii social’nyh predstavlenij: vzgljad so storony [Studying Social Representations: an Outsider’s Perspective]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 8–25. DOI:10.17759/sps.2022130302 (In Russ.).
3. Dontsov A.I., Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Sotsial’nye predstavleniya o koronavirusе v nachale pandemii v Rossii [Elektronnyi resurs] [Social representations of COVID-19 at the beginning of the pandemy in Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 422–444. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444 (Accessed 10.03.2023). (In Russ.).
4. Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Y., Pogodina A.V., Raskhodchikova M.N., Tolstykh N.N. Normativnoe povedenie v situatsii pandemii COVID-19: kak dobit’sya ego soblyudeniya u studentov? [Regulatory Behavior in the COVID-19 Pandemic: How to Get Students to Comply

- with It?]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 198–221. DOI:10.17759/sps.2021120113 (In Russ.).
5. Nikolaeva V.V. Lichnost' v usloviyah hronicheskogo somaticheskogo zabolovaniya [Personality in the situation of chronic somatic illness]. In E.T. Sokolova, V.V. Nikolaeva (eds.). *Osobennosti lichnosti pri pogranichnykh rasstrojstvah i somaticheskikh zabolovaniyah* [Particularities of personality in case of mental and somatic illnesses]. Moscow: Argus, 1995, pp. 56–81. (In Russ.).
 6. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. In J.-C. Abric (ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003, pp. 59–80. DOI:10.3917/puf.jodel.2003.01.0203
 7. Allport G., Postman L.J. The basic psychology of rumor. *Transactions of the New York Academy of Sciences*, 1945. Vol. 8, pp. 61–81. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x
 8. Apostolidis T., Santos F., Kalampalikis N. Society Against COVID-19: Challenges for the Socio-genetic Point of View of Social Representations. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 3.1–3.14.
 9. Camargo B.V., Wachelke J. The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body. *Papers on Social Representations*, 2010. Vol. 19, pp. 1–21.
 10. Coli E., Norcia M., Bruzzone A. What Do Italians Think About Coronavirus? An Exploratory Study on Social Representations. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 7.1–7.29.
 11. Douglas K. Rumor. In J.M. Levine, M.A. Hogg (eds.). *Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations*. London: Sage, 2010, pp. 719–722.
 12. de Rosa A.S., Mannarini T. The “Invisible Other”: Social Representations of COVID-19 Pandemic in Media and Institutional. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 5.1–5.35.
 13. Eicher V., Bangertner A. Social representations of infectious diseases. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *The Cambridge Handbook Of Social Representations*. Cambridge University Press, 2015, pp. 385–396. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x
 14. Eicher V. et al. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis. *Papers on Social Representations*, 2011. Vol. 20, pp. 11.1–11.19.
 15. *Empirical approaches to social representations*. In G. Breakwell, D. Canter (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.
 16. Fasanelli R., Piscitelli A., Galli I. Social Representations of Covid-19 in the Framework of Risk Psychology. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 8.1–8.36.
 17. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
 18. Galand C., Salès-Wuillemin E. La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage. *Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 2009. Vol. 84, pp. 125–152. DOI:10.3917/cips.084.0125
 19. Jodelet D. Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press, 1991. 316 p.
 20. Joffe H. Risk and “The other”. Cambridge University press, 1999. 165 p.
 21. Joffe H., Haarhoff G. Representations of far-flung illnesses: The case of Ebola in Britain. *Social Science & Medicine*, 2002. Vol. 54, pp. 955–969. DOI:10.1016/S0277-9536(01)00068-5
 22. Herzlich C. Health and illness: A social psychological analysis. London: Academic Press, 1973. 150 p.
 23. Lin Y. et al. Knowledge, Attitudes, Impact, and Anxiety Regarding COVID-19 Infection Among the Public in China. *Frontiers in Public Health*, 2020, pp. 1–7. DOI:10.3389/fpubh.2020.00236
 24. Martín-Aragón M., Terol-Cantero M.C. Intervención psicosocial post COVID-19 en personal sanitario [psychosocial intervention post COVID-19 in health-care workers]. *International Journal of Social Psychology*, 2020, pp. 664–669. DOI:10.1080/02134748.2020.1783854

25. Moliner P., Abric J.C. Central Core Theory. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *The Cambridge Handbook Of Social Representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, pp. 83–95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009
26. Moliner P., Guimelli C. Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015. 144 p. DOI:10.3917/pug.guime.2015.01
27. Moliner P., Lo Monaco G. Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.
28. Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
29. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In G. Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N.Y.: New York University Press, 2000, pp. 18–77.
30. Moscovici S. Why a theory of social representations? In K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18–61.
31. Páez D., Pérez J.A. Social representations of COVID-19. *International Journal of Social Psychology*, 2020. Vol. 35, pp. 600–610. DOI:10.1080/02134748.2020.1783852
32. Pizarro J. et al. Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 2.1–2.38.
33. Rosati G. et al. Capturing and analyzing social representations. A first application of Natural Language Processing techniques to reader's comments in COVID-19 news. 2020, May 30. Argentina. *SocArXhivePapers*, 2020. DOI:10.31235/osf.io/3pcdu

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Березина Елизавета Борисовна, кандидат психологических наук, старший лектор, кафедра психологии, Университет Санвея, г. Санвей, Малайзия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Новиков Алексей Львович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3482-5070>, e-mail: novikov-al@rudn.ru

Information about the authors

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Marianna E. Sachkova, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Irina A. Novikova, PhD in Psychology, Associate Professor at Psychology and Pedagogy Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Elizaveta B. Berezina, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology, Sunway University, Sunway, Malaysia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-8133>, e-mail: elizab@sunway.edu.my

Alexey L. Novikov, PhD in Philology, Associate Professor at General and Russian Linguistics Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3482-5070>, e-mail: novikov-al@rudn.ru

Получена 18.04.2023

Received 18.04.2023

Принята в печать 17.05.2023

Accepted 17.05.2023